

Здравствуй, Логик!

В этом письме я расскажу об одной из сторон многогранного прошлого, о личной истории.

Личная история по сути способ накопить сведения о себе. Как еще можно узнать себя? Читая дневники известных людей поражаешься в разности подхода к своей истории. Потрясающе ярко пишут о себе Павич, Довлатов, Гришковец. Когда автор биографии настоящий Автор, с целевым прошлым, то книга проникнута особым отношением к собственной истории. Уникальность подхода Автора в том, что на первом месте находится именно история. В ней нет никакого особенного урока или нравоучения, нет обилия фактов, нет попытки что-то доказать или донести какую-то особую мысль, зато виден сам человек. Виден, ярко, объемно. Биография может содержать массу подробностей или же написана крупными мазками, быть последовательной или выхватывать периоды жизни кусками, однако свою задачу - показать что это был за человек она выполняет всегда, поскольку именно эту задачу и преследовал Автор. Он умело подбирает именно такие факты и события которые показывают самую суть. Не всегда рассказ правдив, это факт, зато целостен, из-за чего написанному веришь. Если даже не разумом, то чем-то еще, понимаешь, да, именно вот такой человек мог жить. И даже при всей яркости образа сам Автор видит себя еще полнее, еще глубже, подчас страдая от невозможности выразить всю громаду своего прошлого, показать себя полностью.

Милорад Павич очень точно выразился:

“Вы, люди, не умеете измерять свои дни. Вы мерите только их длину и говорите, что день длится двадцать четыре часа. А дни ваши иногда имеют и глубину, причем большую, чем длина, и глубина эта может достигать месяца или даже года длины дней. Поэтому вы не можете окинуть взглядом свою жизнь.”

Конечно, эти слова принадлежат одному из героев Павича и сказаны они совсем по другому поводу. Но по сути это обращение Автора к не-Авторам. Вы действительно не воспринимаете свою историю так глубоко и таков её объем. И, хотя, лишь малая часть из нас умеет писать красиво, но абсолютно любой Автор пишет свою книгу внутри себя. Мы собираем письма, фотографии, вещи, напоминающие о прошлом и бережно подшиваем в тетрадку воспоминаний. То что нельзя запечатлеть в чем-то материальном тоже бережно хранится в памяти, потому что память - это сокровище. Даже если будет потеряно все остальное - в памяти можно найти и вырастить себя заново.

Даже если память у Автора дырявая как решето, он забывает про свои вчерашние обещания вчера, оставляет в гостях зонтик, остается в начале месяца без оплаченного интернета, можешь быть абсолютно уверен - Автор помнит всё что сформировало его как личность, помнит в деталях все значимые значимые поворотные события, все важные поступки, достижения и неудачи как бы давно они ни были. Он не может забыть то что фактически создало его историю. Для этого он будет возвращаться к ней снова и

снова, фактически - перебирая старые письма, вещи, встречаясь с людьми из прошлого, мысленно - вспоминая, восстанавливая ход своей истории, через обращение к внешнему миру - рассказывая свои истории другим.

Биографии Летописцев несколько иные. Обычно они служат какой-то цели, Летописец хочет рассказать о чем-то помимо своей истории. Они, фактически не пишут автобиографию, а используют её формат чтобы рассказать о чем-то интересном. Например, Стивен Кинг автобиографической манере рассказывает о том как писать книги. Джеральд Даррелл пишет о мире животных. Эдит Piaф в автобиографии рассказывает о роли любви в своей жизни. Насколько бы ни была точна биография, её главный герой не сам автор. Главным героем становится какая-то сторона жизни Летописца или какая-то идея или увлечение, но не сам Летописец, он не гордый и готов подвинуться даже в автобиографическом произведении.

Если сравнивать жизнеописание Летописца и жизнеописание Автора образно, то биография Автора напоминает портрет, а биография Летописца - фотографию. Фотография объективно более достоверна чем портрет, но, как и в жизни, хороший портрет лучше передает характер человека. На портрете человек более похож на себя именно из-за необъективности подачи - характерные черты выделяются, нехарактерные прячутся. С помощью мельчайших деталей создается и образ и настроение и вот перед нами лицо человека, переданного не фотографически точно, но зато именно таким как его увидели. Так вот, Летописец работает иначе. Из его автобиографии мы сами выстраиваем в голове образ, кем же был этот человек, он, в отличие от Автора, не сделает эту работу за нас. Отчасти из-за того что у Летописца не было задачи подать себя в нужном соусе, отчасти для того чтобы взглянуть на себя со стороны, глазами других людей, прочитавших его труд.

В отношении личной истории обычные Летописцы наследуют черты Летописцев-писателей. Летописцу интересно услышать мнение о себе не только с целью привлечь внимание и не только сверить услышанное со своим внутренним эталоном, но и увидеть альтернативы - "кем я мог бы быть". Его память имеет некую странную особенность - цепляться не столько за моменты своего становления, сколько за моменты жизненных развилочек.

===== БОЛЬШЕ ЛЕТОПИСЦА =====

Биографии критиков - совершенная особая статья. Когда Критик начинает писать о себе, он производит множество сопутствующих действий:

- Критик пишет оправдательные ремарки о том зачем он решил написать автобиографию, как будто свою биографию запрещено описывать без серьезных обоснований.
- Критик извиняется за пробелы и неточности
- Критик говорит о том что описывать свою жизнь ему не очень-то нравится, однако раз уж пришлось, он будет нести свой тяжкий крест до конца.

Поскольку ум Критика направлен на видение собственных недостатков, то честная

автобиография по сути обнажает все его неприятные стороны. По сути, большинству Критиков стыдно рассказывать о своей жизни и публикация собственной истории - серьезный акт мужества и воли, для этого должна быть причина и причина серьезная.

Для Критика есть два серьезных повода взяться за собственное жизнеописание. Первый - анализ. Биография становится попыткой разгрести свое проблемное прошлое, навести порядок в хаотичном нагромождении фактов, событий, оценок. В обычной жизни анализ прошлого Критика подобен визиту к врачу. Многие люди не любят лечиться, посещать врача. До последнего откладывают визит к зубному, терпят гастрит, боли в спине. Зачастую Критик также поступает с болезненными, неприятными, стыдными и раздражающими воспоминаниями, слишком велик соблазн оставить все как есть, не разбираясь, авось оно пройдет само. Однако болевой аспект устроен таким образом что само по себе ничего не излечивается. Критик терпит-терпит, а затем набирается мужества и ложится в больницу на полное обследование, т.е. пишет автобиографию.

Нечто подобное можно прочесть в “Опыте автобиографии” Герберта Уэллса. Уэллс скрупулезно и честно выписывает всё что ему удалось о себе запомнить. Это не самое увлекательное чтение. В нем нет ни лёгкости, ни цельности и, самое удивительное, за описанными событиями подчас не виден сам автор, его образ просто погребен под грудой фактов. Удивительное дело - факты, насыпанные без разбора не помогают понять человека, а, напротив, мешают этому. Таким образом, Уэллс пытается сохранить объективность, он ведь не рассказывает читателю уже готовый ответ на вопрос “кто я”, а сам пытается разобраться.

Другая причина взяться за автобиографию - это нужда в исповеди. Критики не владеют монополией на биографию-исповедь, но них этот жанр жизнеописания имеет особый смысл. Как я уже говорил, Критик может стыдиться себя, чувствовать себя недостаточно хорошим, чтобы этим удовлетвориться. Честное описание своей истории - это своего рода освобождение, катарсис, возможность пройти через свой внутренний суд и сбросить оковы прошлого. В таком ключе написаны дневники Евгения Шварца. Тут лучше предоставить слово ему самому:

“В тетради этой я пишу, когда уже почти не работает голова, вечером или ночью, чаще всего если огорчен или не в духе. Условие, которое поставил я себе – не зачеркивать, – отменил, когда стал рассказывать истории посложнее. И вот перечитав вчера то, что писал последние месяцы, я убедился в следующем: несмотря на усталость, многое удалось рассказать довольно точно и достаточно чисто. Второе условие, которое поставил я себе – не врать, не перегруппировывать (ну и слово) события, – исполнено. Этого и оказалось достаточным для того, чтобы кое-что и вышло. Заметил, что в прозе становлюсь менее связанным. Но все оправдываюсь. Чувствую потребность так или иначе объясниться. Это значит, что третьего условия – писать для себя и только для себя – исполнить не мог, да и вряд ли оно выполнимо. Если бы я писал только для себя, то получилось бы подобие шифра. Мне достаточно было написать: «картинная галерея», «грецкий

орех», «реальное училище», «книжный магазин Мареева», чтобы передо мной появлялись соответствующие, весьма сильные представления. Я пишу не для печати, не для близких, не для потомства – и все же рассказываю кому-то и стараюсь, чтобы меня поняли эти неведомые читатели. Проще говоря, стараюсь, чтоб было похоже, хотя никто этого с меня не требует.»

Полагаю, и стиль Критика, и особенности биографии-исповеди в этом маленьком отрывке будут видны. А что же Критики-не писатели? Обычные критики в обычной жизни? Целью письма было показать отношение к личной истории у разных типов прошлого. Думаю, уже ясно что тема личной истории для Критика весьма не проста.

Прошное Критика - минное поле из навязчивых воспоминаний, неудобных ситуаций, болезненных моментов. Погружаться в личную историю следует осторожно, никогда не знаешь где тебя зацепит и чем. Другая аллегория личной истории - неудобный чемодан. Тот самый что и нести тяжело и бросить нет возможности. Жизнь многих Критиков проходит в попытке избавиться от чемодана, но раз за разом они обнаруживают что чемодан таинственным образом снова оказывается в руках и ничуть не полегчал.

Когда критик говорит о себе его речь крайне любопытна. Он тщательно выбирает что говорить о себе можно, а что нельзя. Такое ощущение, что его личная история представляет собой некую папку с его, Критика, личным делом, в которой лежат вперемешку доносы и рекомендательные письма. И, когда Критик общается с людьми, ему важно вытащить правильную бумажку, где никакого доноса не будет. Если у Критика нет возможности “вытащить” нужный “документ”, он постарается подготовить собеседника ко встрече со своей худшей стороной. Тут у него есть две возможности - либо рассказать о своих недостатках заранее, в мягкой или шутливой форме, либо попытаться затмить плохое впечатление хвастаясь своими лучшими качествами.

В связи с наличием “личного дела” всплывает еще одна проблема. Дело в том, что другие люди, связанные с прошлым Критика также владеют частью его “папки” и Бог его знает, что они могут оттуда достать. Поэтому такие мероприятия как застолье с дальними родственниками, встреча выпускников и т.п. это всегда стресс. Никого не напоминает? Извини, но я уже устал ждать когда ты признаешься в своем типе, поэтому скажу сам, ты - Критик и ты разоблачен! Ну, а пока ты осознаешь твой триумф, я расскажу об особенностях автобиографий Читателей, а также их отношении к личной истории.

Главная особенность автобиографии Читателя заключается в её отсутствии. Seriously, даже те Читатели, которые могут и умеют писать не пишут автобиографий. Единственный известный мне контр-пример - Чарли Чаплин. Однако, это исключение стало возможным лишь благодаря многолетней практике режиссуры и работы с образами персонажей, пониманием того как персонаж воспринимается зрителем, кто он есть. Таким образом, Чаплин смог натренировать и внимание к тому кем видят его. Общее же правило таково - Читатели не пишут автобиографий.

Нельзя сказать, что у Читателя нет личной истории, или она есть, но совершенно им не интересна. Она интересна, но... в последнюю очередь. Билл Гейтс будет писать о новых технологиях, Жюль Верн о завораживающем будущем, Тимоти Лири - о психологии, Айн Рид о своей философии. Может быть они нашли бы время написать и о себе, но только после того как написано все остальное. Личная история - это нечто вроде блюда на шведском столе, которое ты задумал отведать попозже, если останется место.

Если сравнивать прошлое с чемоданом, то можно сказать что Читатель путешествует налегке. Это не значит что в его памяти ничего не держится. Читатель может обладать великолепной памятью, но его отличие в том что к своим воспоминаниям он не привязывается. Он не держит их все время "под рукой", не приписывает им особой ценности. Чемодан его активных воспоминаний невелик. В нем только самое важное или самое любимое, поэтому Читатель обычно воспринимает свое прошлое с теплотой, а за плохое особенно не цепляется.

Если читателя попросить рассказать о себе, скорее всего понадобятся наводящие вопросы, у него как правило нет готовых историй, он не видит что из его прошлого или из личных качеств могло бы быть интересно собеседнику.

В качестве примера я хочу привести по одному кусочку из предисловий к автобиографиям всех типов. Я ограничусь лишь краткими комментариями, пусть цитаты сами расскажут о своих авторах.

Сергей Довлатов, Целевое прошлое. Из предисловия к сборнику автобиографических рассказов "Чемодан".

Тогда я достал чемодан. И раскрыл его.

Сверху лежал приличный двубортный костюм. В расчете на интервью, симпозиумы, лекции, торжественные приемы. Полагаю, он сгодился бы и для Нобелевской церемонии. Дальше — поплиновая рубашка и туфли, завернутые в бумагу. Под ними — вельветовая куртка на искусственном меху. Слева — зимняя шапка из фальшивого котика. Три пары финских креповых носков. Шоферские перчатки. И наконец — кожаный офицерский ремень.

На дне чемодана лежала страница «Правды» за май восьмидесятого года. Крупный заголовок гласил: «Великому учению — жить!». В центре — портрет Карла Маркса.

Школьник я любил рисовать вождей мирового пролетариата. И особенно — Маркса. Обыкновенную кляксу размазал — уже похоже...

Я оглядел пустой чемодан. На дне — Карл Маркс. На крышке — Бродский. А между ними — пропащая, бесценная, единственная жизнь.

Я закрыл чемодан. Внутри гулко перекатывались шарики нафталина. Вещи пестрой грудой лежали на кухонном столе. Это было все, что я нажил за тридцать шесть лет. За всю мою жизнь на родине. Я подумал — неужели это все? И ответил — да, это все.

И тут, как говорится, нахлынули воспоминания. Наверное, они таились в складках этого убогого тряпья. И теперь вырвались наружу. Воспоминания, которые следовало бы назвать — «От Маркса к Бродскому». Или, допустим — «Что я нажил». Или, скажем, просто — «Чемодан»...

Каждый рассказ в сборнике посвящен одной вещи из чемодана, уехавший вместе с Довлатовым в эмиграцию.

Стивен Кинг, Творческое прошлое. Из предисловия к труду “Как писать книги”

Мэри Карр представляет свое детство почти целостной панорамой. Мое же — туманный ландшафт, из которого кое-где торчат отдельными деревьями воспоминания... и вид у них такой, будто они тебя хотят схватить и, быть может, сожрать.

То, что рассказывается дальше, — это некоторые из таких воспоминаний плюс россыпь моментальных снимков из несколько более упорядоченных дней моего отрочества и раннего возмужания. Автобиографией это не назовешь. Это скорее биографические страницы — моя попытка показать, как сформировался один писатель. Не как человек сделался писателем. Я не верю, что писателем можно сделаться в силу обстоятельств или по собственной воле (хотя когда-то в это верил). Нужен некоторый набор исходного оборудования. И это оборудование никак не назовешь необычным — я верю, что у многих людей есть какой-то хотя бы минимальный талант писателя и рассказчика, и этот талант можно укрепить и заострить. Не верь я в это, написание этой книги было бы потерей времени.

Здесь то, как это было со мной, только и всего — хаотический процесс роста, в котором играло роль все — честолюбие, желание, удача и капелька таланта. Не старайтесь читать между строк и не пытайтесь искать глубокую идею. Строк здесь нет — только моментальные снимки, да и те почти все не в фокусе.

Книга Стивена Кинга - некий концентрат из автобиографических зарисовок и советов для начинающих писателей, на примере собственной жизни.

Герберт Уэллс, Болевое прошлое. Начало прелюдии к “Опыту автобиографии”

Чтобы думать, необходима свобода. Чтобы писать, нужен покой. Но бесконечные неотложные дела выводят меня из равновесия, а каждодневные обязанности и раздражающие мелочи не дают сосредоточиться. И нет ни малейшей надежды

избавиться от них, ни малейшей надежды целиком отдаться творчеству, прежде чем меня одолеют недуги, а за ними и смерть. Я измотан, вечно собой недоволен, и в предчувствии неизбежных неприятностей не могу взять себя в руки, чтобы должным образом распорядиться собственной жизнью.

Пытаясь справиться с создавшимся положением, я просто веду записи - для себя, и не берусь ни за какую другую работу. Хочу разобраться в своих проблемах, и тогда либо они перестанут меня тревожить, либо я научусь их преодолевать.

Хороших примеров подхода к автобиографии у слепого прошлого я приводить не буду ввиду их полного отсутствия.

На сим закругляюсь и жду твоего письма.

С уважением, Мистик